

BEATA WEGNERSKA

СВОЕОБРАЗИЕ ПРИРОДНОГО МИРА В ТЕТРАЛОГИИ Б.К. ЗАЙЦЕВА *ПУТЕШЕСТВИЕ ГЛЕБА*

Лиричность творчества Бориса Константиновича Зайцева (1881-1972) отмечают многие исследователи¹. В произведениях „поэта в прозе” – как не редко называют Зайцева – главное не ситуация, не сюжет, не действие, а состояние героев. Сфера чувств и лирических переживаний преобладает над рассудочными суждениями. Переломы страдающей души, лиризм и лирическая новизна прозы Зайцева видна в каждом его произведении, над которым работал так, как и его любимцы Пушкин и Данте.

Зайцевская Ока впадает не в Волгу, а как бы в вечность. И метель у Зайцева – белое действо, а жеребенок на холме не просто жеребенок, а призрак. Не только природа, но весь быт человека становится сверхобобщенным бытованием и бытием, характерным для его лирики. Вся зайцевская тетралогия *Путешествие Глеба* полна таких поэтических описаний природы, насыщенных покоем, раздумчивой тишиной, обращенностью к душе. Свообразие природы задается уже поэтикой метафорических заглавий книг, вошедших в тетралогия (Заря, Тишина, Юность, Древо жизни), а также словом-ключем заглавием, царствующим над ними (*Путешествие Глеба*), которое определяет экзистенциальную тему – становление человека².

DR BEATA WEGNERSKA – adiunkt Katedry Badań nad Kulturą Rosji w Instytucie Neofilologii i Lingwistyki Stosowanej Uniwersytetu Kazimierza Wielkiego w Bydgoszczy; adres do korespondencji: e-mail: beaw@interia.pl

¹ См. М. Ветрова, *Творческая эволюция Бориса Зайцева: от импрессионизма к духовному реализму*, в: *Творчество Б.К. Зайцева в контексте русской и мировой литературы XX века*, ред. Е. Зайцев, Е. Балашова, Калуга 2003; А. Иезуитова, *В мире Бориса Зайцева – вступ. статья*, в: Б. Зайцев, *Земная печаль*, Москва 1990.

² Б.К. Зайцев, *Путешествие Глеба*, в: Б. Зайцев, *Атлантида*, Калуга 1996, с. 49. В дальнейшем все цитаты приводятся по данному изданию с указанием страницы в тексте.

Картины зайцевской природы вызывают разнообразные ассоциации и содержат многочисленные аллюзии. Подчеркнем, что на первых страницах *Путешествия Глеба* возникает образ прекрасного Божьего мира, в котором живет маленький человек – восьмилетний Глеб, который не знает еще горести и страданий. Это гармония, чистота и тишина, напоминающая о райских кушах. Детство ребенка – это детство человечества и период пребывания человека в Эдеме. В зайцевском Глебе как бы пробуждается родовая память человечества: „Кажется, что сейчас задохнешься от ощущения счастья и рая – да, конечно, рай и пришел из Высоцкого заказа, или еще дальше из-за него, в световых волнах, в блаженстве запахов и неизъяснимом чувстве радости бытия”³.

Природа, родной дом, сияющие в солнечных лучах небесные и земные краски, то есть все то, что составляет Божий мир, Зайцев наполняет новым значением, глубоким смыслом: „[...] все не раз видано. Но сегодня... Какой невероятный, ослепительный свет, что за жаворонки, голубизна неба, горячее, душистое с лугов веянье – еще и покоса нет, а уж истаиваешь в сладких запахах, и все в свете дрожит, млеет, как-то ходит и трепещет...” (4).

Необыкновенное, сильное чувство вызывает не только радость бытия и осознание себя, живущего в этом прекрасном мире, среди сказочной природы, в сочетании музыки и света, но еще и ощущение присутствия Бога в земной красоте. В этой связи справедливы слова Т. Прокопова о музыкальности прозы Зайцева: „Проза Зайцева, действительно, музыкальна, гармонически организована, лад ее певуч, строй – мелодичен. Такого русская словесность еще не знала, и потому-то о поэтических созданиях Зайцева литературоведы и критики с редкостным единодушием отзывались как о феномене [...]”⁴.

Музыкальную поэзию домашнего, спокойного быта зайцевский Глеб открывает в родном доме, вписанном в природу, окруженном ею. Дом рассказчика становится частью необъятного Божьего мира:

Для мальчика с залысинами на висках дом устовский и село Усты были миром видимым и действительным. Парк, церковь с поповкой и погостом, речка Жиздра [...] – это бесспорное и обыденное. Но дальнейшее кольцо лесов, где охотился отец [...] – это уже нечто полусказочное. [...] «Это дремучий лес?» – спрашивал у отца. «Дремучий». Для Глеба дремучий значило бесконечный и непроходимый – прелестный” (76).

³ Там же.

⁴ Т. Прокопов, *Лиризм Б.К. Зайцева как эстетический феномен*, в: *Проблемы изучения жизни и творчества Б.К. Зайцева*, ред. А.Черников, Калуга 2000, с. 28.

Обычно принято считать, что природа призвана отображать душевные состояния героев. Е. Фарыно пишет:

„Природа может истолковываться в разнообразных и противоположных смыслах. С одной стороны, она может воплощать идею слепого, неразумного бытия, а с другой – бытия, исполненного высшей мудрости. В одном случае она – жестока, абсурдна, равнодушна, безнравственна, а в другом – кротка, целесообразна, участлива, образец высшей нравственности. В одном случае – кощунственна, разрушительна, безобразна, а в другом – божественна, созидательна, исполнена высшей гармонии”⁵.

У Зайцева природа всегда определяет место человека в мировом устройстве, Божьем, по мнению писателя.

Зайцев легко играет близкими и дальними планами, создавая ощущение объемности пространства, наполняя его воздухом, красками, звуками, ароматами: „Сад невелик – скорее даже палисадник. Но в нем старые липы, в их тени стол, белая скатерть, самовар, стаканы, чашки – все в пестро-золотых солнечных пятнах [...]. А за изгородью уже улица, широкая улица села Устов, по которой утром и вечером гоняют стадо...” (49-50). В этом контексте *Путешествие Глеба* напоминает *Лето Господне* Ивана Шмелева⁶. Природа везде окружает зайцевского Глеба, который постепенно знакомится с ее миром. Живописные пейзажи, благоухание цветущих садов, прозрачные облачка и зеркальные переливы Оки – все это волнует рассказчика, а сильные впечатления пробуждают в нем мечтательность и способствуют наслаждению красотой Божьего мира. В сознании Глеба – подростка возникает неразрывная связь между небесными высотами и земными пространствами.

Философский план произведения показан при помощи многозначных природных мотивов: реки, звезд и наконец дождя. Река в *Путешествии Глеба* – это прежде всего Ока и Жиздра. Оку Зайцев назвал „светлой душой страны [России – Б.В.]” в беллетризованной книге о Жуковском⁷. В тетралогии Ока остается в памяти зайцевского Глеба не только символом России, но еще любимой рекой его детства. Каждая встреча с рекой является возвращением в детство. Ока становится знаком долговечности природы,

⁵ См. J. Faryno, *Введение в литературоведение*, Warszawa 1991, s. 281.

⁶ См. Э. Кухарска, И. Мянновска, *Святая Русь в творчестве писателей первой волны эмиграции*, „Z polskich studiów slawistycznych”, seria IX, Warszawa 1998, c. 76.

⁷ См. Б. Зайцев, *Жуковский, Жизнь Тургенева, Чехов*, Москва 1999, с. 19.

течение которой несопоставимо с кратковременностью человеческого существования: „Глебу приятно было увидеть Оку, с детства свою – в полноводной весенней славе, серебристую и покойную, под бледно-перламутровым небом несущую влагу России в Волгу и Каспий” (193). Ока является в тетралогии и рекой жизни, все далее уносящей человека.

Природа в *Путешествии Глеба* представлена богато. Красочно показана смена времен года, зори и закаты, ясные солнечные дни и грозы. Каждый образ природной жизни исполнен движением: „От дневного дождя все было в саду мокро, блестяло. [...] Еще не разошелся густой, запахом зерна, затхлостью напоенный воздух. А снаружи втекало вечернее благоухание. На фоне берез над лужайкою летели мелкие воздушные капельки – уже не дождь, а серебристый сев, прохваченный нежностью вечернего солнца” (175-176). Динамика проявляется не только в движении, но и в одушевлении природы, приписывании внутренней жизни объектам внешнего мира: „[...] налетел дождь, светлый, скорый, блеснул сквозь солнце каплями летящими, да и умчался, все славно осеребрил, примял пыль на дороге. [...] навстречу кинулся такой куст жасмина цветущего, в такой роскоши бело-золотистого оперения, в каплях сияющих, светоносных [...]” (395). Динамику достигает Зайцев путем интенсивного использования приема интериоризации⁸: „Звезды стояли на небе, леса медленно проходили. Вот река, луга. По лугам туман. [...] Звезды так же важны, но теперь вдруг туманы сливаются в грохоте поезда с тем остро – сладостным и пронзительным [...]” (394).

Образ природы в зайцевской тетралогии своеобразен, так как нет в нем борьбы уродливого и прекрасного, жестокого и доброго. У Зайцева природа показана в своей светлой, прекрасной ипостаси. Зайцев восхищается природой, которую описывает, а не стремится выявить ее хаотичность и „черную” сторону. Природный мир Зайцева – это мир тихо сияющий, наполненный светом, который тесно связан с миром Божьего человека. Зайцевский Глеб рос и шел навстречу жизни с каждым лучом солнца, с каждой капелькой дождя и с каждой радугой. А природа расцветала в его жизни и внесла в его сердце радость и любовь. Рассказчик испытывал блаженство от того, что ощущал свое бытие среди общего движения, окружающей природы и Божьего мира. Осознание мира как целостной системы, вера в свое доброе участие в ней вселяют в душу Глеба трепетное отношение ко всему миру, ответственность за него.

⁸ http://mirslouvrei.com/content_fil/html

Слияние Глеба с окружающим миром в период его взросления происходит на более высоком уровне – герой находит в природе отражение своего внутреннего состояния. Зайцев часто делает упор на соотнесенность чувств героя и образ природных стихий. Пейзажи, окружающая среда становятся тогда зеркальным отражением чувств, происходящих в душе Глеба. Самочувствие рассказчика находит воплощение в живописных описаниях реки, полей, лесов, сада. Одновременно происходит соприкосновение переживаний молодого человека с его восприятием поэтических явлений природы. Все чувства Глеба связаны с окружающим миром. Когда семья Глеба покидает Усты, чтобы переселиться в Людиново, рассказчику становится грустно. Он:

„[...] с досадою отвел руку матери. Он [Глеб – Б.В.] был один, со своими чувствами и, как ему казалось, страданием [...]. А его разъедали печальные, но и смутно-сладостные чувства [...]. А однако столь сильно и глубоко в нем засел глухой уголок Жиздринского уезда, что всю жизнь сопровождали видения разных устовских лесов, парка, Сосонника, кладбища за церковью... Если взглянуть глазами будничными, почувствуешь ли поэзию, величие устовского утра июньского, прелесть Ландышевого леса...” (103).

С каждым годом Глеб осознает значимость собственного духовного опыта: „[...] в круговороте Вселенной занимал он [Глеб – Б.В.] едва видимую точку, и размышления его, казавшиеся ему бесспорными и впервые высказанными, не меняли волоска в ходе жизни. Но и он сам, его мысли, волнения, стремления тоже были Вселенной, сколь бы ни казались со стороны малы” (254). В дальнейшем Глеб вполне осознает свое слияние с бытием и природой и соглашается с сущностью жизни в целом:

Он закрыл глаза. Слезы выступили у него под ресницами. Хорошо бы лежать так всегда, без времени, дел и забот, в сияющем полубытии райском. [...] Он лежал так тихо, что стал частью пейзажа: два куличка, легким, низким полетом проверявшие побережье, опустились у самой лодки и безбоязненно пробежали в нескольких шагах от него. Кулички были серые, подрагивали хвостиками, отпечатывали веточки по влажному песку. Следы эти некоторое время держались, а потом стали растекаться” (213).

Удивляет истинность наблюдений Глеба в каждом возрасте и его глубокое наслаждение пейзажем своей родины.

Автор тетралогии делает упор на Глебовое путешествие среди мира родной российской природы. Лейтмотивом *Путешествия Глеба* является

путь, который по мнению И. Искржицкой составляет: „[...] суть – центробежную и центростремительную. Реальное, эпическое время романа, его пространство уносят Глеба из настоящего в будущее, а личное, лирическое время и пространство автора устремлены в святое «прежде», счастливое «там»»⁹. Путь у Зайцева, как и у Гоголя – это символ России и судьбы писателя, он тоже „начало тех радостей скитания, которыми была благословенна жизнь его”¹⁰. Путь Глеба ведет через тихий гармоничный мир, в котором происходит процесс формирования сознательности и характера человека, который способен видеть и переживать поэзию окружающего мира: „Глеб не мог бы сказать, что бодро себя чувствует. Тьма, разлив, куда-то плывут... – он просто робел, сердце ныло. [...] Вода хлопала. Ночь все черней, черней [...]” (195). Именно таинства неба и земли пробуждали в Глебе жажду участия в сокровенных процессах вселенной, а его нравственные силы, направленные к этому, перестраивали человеческое бытие.

Подчеркнем, что такое поэтическое отражение мира всегда отличалось легкой подвижностью и пробуждало душу к чувствам. Подводя итоги сказанному заметим, что картины природы создают в тетралогии Бориса Зайцева философский, лирический и эстетический контекст, отражающий русский мир, в котором формировался менталитет человека.

БІБЛІОГРАФІЯ

- М. Ветрова, *Творческая эволюция Бориса Зайцева: от импрессионизма к духовному реализму*, [в:] *Творчество Б.К. Зайцева в контексте русской и мировой литературы XX века*, ред. Е. Зайцев, Е. Балашова, Калуга 2003; А. Иезуитова, *В мире Бориса Зайцева* - вступ. статья, [в:] Б. Зайцев, *Земная печаль*, Москва 1990.
- Б. Зайцев, *Путешествие Глеба*, в: Б. Зайцев, *Атлантида*, Калуга 1996.
- Б. Зайцев, *Жуковский, Жизнь Тургенева, Чехов*, Москва 1999.
- И. Искржицкая, «Пантеистическое одеяние юности» Б. Зайцева, в: *Проблемы изучения жизни и творчества Б.К. Зайцева*, под. ред. А. Черникова, указ. соч.
- Кухарска, И. Мянновска, *Святая Русь в творчестве писателей первой волны эмиграции*, „Z polskich studiów slawistycznych”, seria IX, Warszawa 1998.

⁹ И. Искржицкая, «Пантеистическое одеяние юности» Б. Зайцева, в: *Проблемы изучения жизни и творчества Б.К. Зайцева*, под. ред. А. Черникова, указ. соч., с. 96.

¹⁰ Там же, с. 91.

- Т. Прокопов, *Лиризм Б.К. Зайцева как эстетический феномен*, в: *Проблемы изучения жизни и творчества Б.К. Зайцева*, ред. А.Черников, Калуга 2000.
- J. Faruno, *Введение в литературоведение*, Warszawa 1991.
- М. Матеcka, *Impresjonizm we współczesnej prozie Iwana Bunina i Borysa Zajcewa*, Lublin 1996.

SPECYFIKA ŚWIATA PRZYRODY W TETRALOGII BORYSA ZAJCEWA *PODRÓŻ GLEBA*

Streszczenie

W artykule badany jest tekst tetralogii B. Zajcewa *Podróż Gleba* ze szczególnym zwróceniem uwagi na silnie wyeksponowany w nim świat przyrody. Liryzm twórczości pisarza-emigranta jest podkreślany dość szeroko przez badaczy polskich i rosyjskich. Zajcew nazwany został „poetą w prozie” ze względu na warstwę liryczną jego utworów literackich. Autorka na przykładzie *Podróży Gleba* dowodzi, iż poetyckie odzwierciedlenie świata jest przedstawieniem ewolucji duchowej samego Zajcewa, a opisana przez niego przyroda tworzy kontekst filozoficzny, liryczny a także estetyczny.

‘SPECIFICITY OF THE WORLD OF THE NATURE IN B. ZAITSEV’S TETRALOGY ‘GLEB’S JOURNEY’.

Summary

In the article B. Zaitsev’s ‘Gleb’s Journey’ is studied with a special attention to the world of nature. The lyricism of writer-emigrant’s works is emphasized quite widely by Polish and Russian researchers. Zaitsev was named ‘poet in the prose’ on account of the lyric layer of his literary works. The Author of that article on the example ‘Gleb’s Journey’ proves that poetic reflecting world is describing Zaitsev’s spiritual evolution and the nature described by him creates the philosophical, lyrical as well as aesthetic context.

Słowa kluczowe: świat przyrody, tetralogia, pejzaż, liryzm.

Ключевые слова: природный мир, тетралогия, пейзаж, лиричность.

Key words: World of nature, tetralogy, landscape, lyricism.